

СТАТЬИ

Г. Г. ЛИТАВРИН

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД
НА РУБЕЖЕ XII—XIII ВВ.

(по материалам налоговой описи Лампсака)

Тот интерес в мировой историографии к проблеме византийского города, который ярко проявился в последнее десятилетие, был, по нашему убеждению, стимулирован развернувшейся незадолго перед этим дискуссией в советской византиноведческой литературе¹.

Появились специальные исследования и монографии, посвященные истории отдельных городов империи, причем не только крупных, а также средних провинциальных центров. Стали появляться и работы, в которых предпринимаются попытки обобщить накопленный материал, произвести классификацию городов, определить их типы².

При знакомстве с этой литературой мы обратили внимание на одну деталь, характерную как для старых, так и для новейших исследований о византийском городе: постоянно вне поля зрения авторов оставляется один из самых содержательных, если не самый содержательный, источник по истории провинциального, рядового города — так называемая «Лампсакская писцовая книга», о которой в лучшем случае лишь глухо упоминают³.

Значение средневековых налоговых описей как важнейшего источника по истории экономики, социальных отношений и государственной системы общеизвестно. Для Византии такие описи насчитываются буквально единицами. И среди них имеется только одна, представляющая собой опись городского налогового округа.

Конечно, возможно предположение: исследователи не привлекают лампсакскую опись потому, что ее данные не позволяют рассматривать Лампсак как город. Грань между небольшим городом и крупной деревней в Византии действительно провести нелегко. Кажется, трудности при этом ощущали и сами византийцы, употреблявшие как раз во время составления описи такой архаичный термин, как *χωρίopolis*, т. е. «деревня-город», или «деревенский город»⁴.

Что же превращало поселение, в глазах византийцев, в город? Из источников это отнюдь не очевидно. Для автора «добавлений к Скилице»

¹ См. об этом дискуссии: *З. В. Удальцова*. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, стр. 96—101, 195—215, *И. П. Медведев*. Вопросы истории византийского города на научной сессии в Ленинграде (хроникальная заметка). — ВВ, 30, 1969, стр. 312—315. О некоторых последних зарубежных работах см. аннотации *А. П. Каждана* («Новое о византийском городе»). — ВВ, 28, 1968, стр. 293—296; «Новые книги о Константинополе». — ВВ, 33, 1972, стр. 238—239).

² См. *V. Hrochová*. Byzantská města ve 13—15 století. Praha, 1967; *С. Лишев*. Българският средновековен град. София, 1970.

³ См., например: *А. П. Каждан*. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 98, 118, 121, 143, 146.

⁴ *Nicetae Choniatae Historia*. Bonnæ, 1835, р. 82.16. См. об этом: *А. П. Каждан*. Указ. соч., стр. 54—55, прим. 1.

Михаила Девольского наличие стен — неперенный признак города: после того как Василий II разрушил крепостные укрепления Охрида, бывшая столица Западно-Болгарского царства превратилась, по мнению этого автора, в «большую деревню»⁵. Крупнейшего же юриста XI в. Евстафия Ромея этот признак ничуть не смущает: согласно его свидетельству, большинство провинциальных городов либо вообще не имеет стен, либо не имеет их со стороны моря, если это прибрежный город⁶. Любопытно, что и представитель Запада, где города непременно окружались стенами, посол Оттона I епископ Кремонский Лиутпранд не видит ничего удивительного в том, что многие византийские города стен не имеют: Никифор II, пишет он, повелел возвести стены вокруг множества городов восточных провинций, поскольку нужно было максимально обезопасить созданные в этих городах крупные склады продовольствия для войска⁷. Не стены сделали эти города городами. Полководец Алексея I Комнина Григорий Пакуриан обнес стенами несколько своих деревень, но они остались деревнями⁸. Крепость Адрамери на полуострове Халкидика была попросту небольшой крестьянской общиной, насчитывавшей всего 29 домохозяйств⁹.

Со стороны формальной Лампсак — безусловно, город: в византийских памятниках он неизменно определяется термином πόλις. Византийский географ X в. Иерокл, перечислив 35 городов Геллеспонта, назвал Лампсак в числе первых шести городов¹⁰. Константин Багрянородный определяет Лампсак как «седьмой» по значению среди «значительных городов» (πόλεις ἐπισήμους) фемы Опсикий¹¹. Однако город ли Лампсак в собственном смысле слова¹², — вопрос далеко не праздный. Ответить на него возможно только после детального анализа «Лампсакской писцовой книги». Эту скромную задачу мы и ставим перед собой в данной статье.

Изданный в 1856 г.¹³, трудный для понимания, составленный на варварской латыни, перемежающийся грецизмами и староитализмами, этот памятник был впервые изучен 90 лет назад Ф. И. Успенским, который, запросив копию из венецианского архива, переиздал документ и объяснил немало его темных мест¹⁴. Увлекаемый идеей о воидатном хозяйстве как непременно славянской военнообязанной стаси, Успенский порою акцентирует внимание далеко не на самых важных аспектах. Допустил он, на наш взгляд, и ряд прямых ошибок в понимании и интерпретации описи.

Считая поэтому оправданным возвращение к этому источнику, мы будем его рассматривать, как и Успенский, в тесной связи с другим документом — жалованной грамотой на Лампсак константинопольского байло в пользу трех благородных венецианцев. Оба памятника дополняют и поясняют друг друга.

⁵ B. Prokić. Die Zusätze in der Handschrift des Johannes Scylitzes. München, 1906, S. 37.

⁶ Jus graeco-romanum, I, ed. C. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1856, cap. XVIII, 5, p. 66.

⁷ Liutprandus von Cremona. Die Werke. Leipzig, 1915, S. 198.

⁸ Typicon Gregorii Pacuriani, ed. S. Kauchtschischvili. Tbilisi, 1963, p. 24, 22—23.

⁹ Actes de Lavra. Première partie, ed. P. Lemerle, N. Svoronos, D. Papachrysanthou. Paris, 1970, № 37.

¹⁰ Hieroclis synecdemus. Bonnae, 1840, p. 394.1—8.

¹¹ Constantinus Porphyrogenitus. De thematibus. Bonnae, 1840, p. 26. 2—7.

¹² Не лишено значения, что термин πολιται, обозначавший обычно горожан в противоположность селянам (χωρίται), употреблялся и в значении «подданные» вообще, так сказать, «граждане». Характерно это и для Евстафия Ромея (Jus, I, cap. IX, 4, p. 30; cap. IX, 9, p. 30; cap. XV, 10, p. 47), и для некоторых актов (А. П. Кавдан. Об одной южноитальянской грамоте XI в. — СВ, XVII, 1960, стр. 319—320).

¹³ G. F. L. Tafel und Thomas. Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig, II. Wien, 1856 (далее — Tafel u. Thomas), p. 208—209.

¹⁴ Ф. И. Успенский. Следы писцовых книг в Византии, III. Окладной лист города Лампсака. — ЖМНП, ч. 231, февраль 1884, стр. 289—335.

«В год [от рождения] господа [нашего Иисуса Христа 1218] я обнаружил в Лампсаке 60¹⁶ человек (homines); они уплачивают 51 перпер и 6 каратов.

Зевгаратов имеется 21; [они платят] 208 перперов, воидатов имеется 52—251 перпер, актимонов имеется 18—48,5¹⁷ перперов, апоров 22—22,5 перпера. Сумма: 581 перпер и 6 каратов.

Есть также 7 мельниц, которые мы облагаем 35 перперами. Солеварни — 34 перпера, этих солеварен имеется 16. За скилл оборудованный и не-устроенный (Luscillo facto et chersochoioi)¹⁸ — 17 перперов. Столько же было положено практиком.

Рыбная заводь Олько¹⁹ — 20 перперов, барки с неводами²⁰ в Лимасгидии²¹ — 25 перперов. Вафи²² — 14 перперов. Иерусалимский рыбный рынок²³ — 4 перпера. Сумма: 149 перперов.

За 120 плинф виноградников, которые²⁴ они берут в аренду²⁵ за 8 перперов ежегодно и за которые сами получают ежегодно по 14 перперов [30 перперов]. А также, помимо вышеозначенных плинф²⁶, они получают к тому же за 24 плинфы сверх тех [еще] 6 перперов и 6 каратов ежегодно. Сумма: виноградники с арендой, согласно подсчетам, ежегодно, с добавкой — 26 перперов и 6 каратов²⁷.

Форфакт, права и суды²⁸ ежегодно — 36 перперов. Крупный скот²⁹, за 154 головы — 30 перперов. Сборы рыбой³⁰ — 3 перпера. С кур Карлассара³¹ — 4 перпера. Сумма: 83 перпера.

Пристань (La scala) — 160 перперов, с рынком (cum foro) и со сборами мясом и с их угодьями и пустошами³², как было установлено практиком, — перперов [2, каратов 18. От тех пространств, которые являются теперь зевгаратными]³³, мы определяем ныне 261 перпер, конечно, в среднем, поскольку это было уделено себе³⁴, соответственно своим трудам, в таком количестве и в [такой] доле (morte).

И от тех³⁵ пространств, которые являются теперь воидатными, мы определяем ныне 52 перпера, конечно, в среднем³⁶, поскольку они выделены себе, в расчете на свои труды, в таком долеом количестве (in hac quantitate morti). Сумма: 1315 перперов и 6 каратов.

¹⁵ Оригинал рукописи не сохранился. Первые издатели почти не отмечают вносимых ими поправок в публикуемый текст копии. Сделал это Успенский, а мы воспроизвели в подстрочнике. Лакуны (они не обозначены в рукописи) и слова, отсутствующие в тексте, воспроизводим в квадратных скобках. См. *Tafel u. Thomas*, S. 208—209; *Ф. И. Успенский*. Указ. соч., стр. 290—291.

¹⁶ Ркп. — LX, но у Тафеля—Томаса и у Успенского — L.

¹⁷ Ркп. — XLVIIj и далее — XXIj; «j» означает 1,5.

¹⁸ Ркп. — cherso chorio, Усп. — chersochoio.

¹⁹ Ркп. — Lu uiuaro de oleo, Усп. — Luvivaro de olco.

²⁰ Lugiipponoli.

²¹ Ркп. — de lumasgidio, Усп. — de Luriasgidio.

²² Lu uathi. Не следует ли читать вместо неясного uathi — scathi, т. е. «суда» (от гр. σκάφη).

²³ La piscaria de Iherusalem.

²⁴ Ркп. — qui, Усп. — quas.

²⁵ Первые издатели — pro anacapsi.

²⁶ Ркп. — plinthi, Усп. — plinthis.

²⁷ Ркп. — karati III, Усп. — karati VI.

²⁸ Le forfacte iura et iustitiae.

²⁹ Ркп. — li agnelli, Усп. — Li anguelli.

³⁰ Ркп. — Lu psuni de in pisce, Усп. — Lupsuni de lupisce.

³¹ Ркп. — de lu carlassare, Усп. — de lucarlassare.

³² Ркп. — iuribus. Et disertis, Усп. — iuribus et disertis.

³³ Лакуна восполнена Успенским.

³⁴ Ркп. — sibi datum, Усп. — ibi (sibi) data.

³⁵ Ркп. — de illis, Усп. — de iis.

³⁶ В ркп. можно читать — mediis, Усп. — medietate.

Димоден ³⁷ — 10 перперов. Сбор (?) и уплата ³⁸ шелковичного, сливового, кизилового ³⁹ и орешникового ⁴⁰ — 36 перперов.

Сумма всего выше перечисленного — 1361 перпер и 6 каратов.

Обнаружили мы ангарии воидатов и зевгаратов ⁴¹, так как они клятвенно заверяли, что давали во времена своих господ ⁴² каждый по 7 ангариив. Они свидетельствовали также в своих клятвах, что не знали ангариив кастелла ⁴³, сколько их было и сколько они делали. Посему кладем конец [вопросу] об ангариях зевгаратов ⁴⁴ и воидатов, так как они могут давать ежегодно по 48 ангариив с имущества ⁴⁵ вилланов, по 4 перпера с каждого виллана. А актимоны — каждый по 24 ангарии, ибо ⁴⁶ они установлены для каждого. Так что ⁴⁷ все ангарии ⁴⁸ оцениваются в 310 перперов.

Сумма: итог всего выше перечисленного — 1671 перпер и 6 каратов вместе с ангариями».

Жалованная грамота константинопольского байло ⁴⁹

«В месяце сентябре 7-го индикта.

Написал я по повелению господина байло ⁵⁰ и лучшей части его совета, ибо сам господин байло с лучшей частью своего совета [распорядился], помимо писем господина нашего дожа, которые сам господин [дож] отправил также ради осуществления разыскания и устройства земли Лампсака, каковую землю держат знатные мужи Г. Квирин, Дж. Саккугулло и Джак. Квирин, сын господина П. Квирина.

Они постановили, что эти три мужа должны служить ежегодно за эту землю прежним образом на доход с той же собственности (*amodo inantea pro propriis eiusdem introitus*) в 1670 [перперов] и что эти мужи должны уплачивать с причитающегося от [видов] собственности (*de debito priorum*) периодически (*transacti temporis*), так что они обязываются давать коммуне Венеции золотые иперпиры в сумме ⁵¹ 1000 в следующем порядке, а именно — отныне до праздника рождества господа нашего Иисуса Христа — 300 перперов. Это — в первое грядущее рождество. И от сего праздника рождества до пасхи — воскресения [Христа] другие золотые перперы в сумме ⁵² 300. А прочие остающиеся золотые перперы в сумме 400 — от сего праздника пасхи далее, таким способом и в таком порядке, в каком пожелает господин константинопольский байло с лучшей частью своего совета».

Начнем с датировки документов. Из их содержания можно заключить, что они изданы почти одновременно, в течение одного года. И первые издатели, и Успенский странным образом датировали документы 1219 г. ⁵³ Но 7-й индикт приходится не на 1219, а на 1218 г. (1218+5509=6727;

³⁷ Ркп. — Lu dimodeo, Усп. — Ludimodeo.

³⁸ Ркп. — Lu anauolo lu catauolo, Усп. — Luanauolo et Lucatauolo.

³⁹ Macricampo et Damaskinea et Cranea.

⁴⁰ Ркп. — Coronea, Усп. — (и первые издатели) — Cranea.

⁴¹ Ркп. — et zegarati, Усп. — et zeugarati.

⁴² Ркп. — de dominis, Усп. — de dominiis.

⁴³ Ркп. — de castello, Усп. — de castellis.

⁴⁴ Ркп. — de zegarati, Усп. — de zeugarati.

⁴⁵ Ркп. — saltem, Усп. — salute.

⁴⁶ Ркп. — qui, Усп. — que.

⁴⁷ Ркп. — quas, Усп. — Que.

⁴⁸ Ркп. angarias, Усп. — angarie.

⁴⁹ См. *Tafel u. Thomas*, S. 209, 210; *Ф. И. Успенский*. Указ. соч., стр. 291—292.

⁵⁰ Так мы передаем термин документа — «Potestas».

⁵¹ Ркп. — pes, издатели — pensa (?).

⁵² Ркп. — pes.

⁵³ *Tafel u. Thomas*, S. 208; *Ф. И. Успенский*. Указ. соч., стр. 302. Говоря о Лампсакской описи, Ф. Тирье заметил, что ее датировка издателями остается необоснованной, а содержание — темным (*F. Thiriet. La Romanie Vénitienne au moyen âge. Paris, 1959, p. 85, N 2*).

6727 : 15 дает в остатке 7). Сентябрь 1203 г. исключается: крестоносцы еще не владели Константинополем и Лампсаком. Не подходит и сентябрь 1233: Лампсак был отнят у венецианцев уже в 1231 г.⁵⁴

Совершенно непонятны также основания, по которым издатели исправили первую цифру рукописи (LX человек на L человек)⁵⁵. Термин *homines* мы считаем равноценным греческому *πολίται* в собственном смысле, т. е. «горожане», так как 4 следующих термина (зевгараты, воидаты, актимоны, апоры) охватывают все основные имущественные категории сельского населения, известные византийским деловым документам.

Данных о том, что Лампсак в XII—XIII вв. был обнесен стенами, мы не обнаружили. Из сообщений Дуки следует, что первое серьезное укрепление в Лампсаке было возведено лишь в начале XV в. генуэзцем Негро Салгрузо⁵⁶. Лишь слова второго документа об «ангариях кастелла» как о вероятном и при византийских властях виде отработок заставляют допустить наличие в Лампсаке небольшого акрополя, в котором мог останавливаться Иоанн III Ватац, не раз посещавший Лампсак.

Следовательно, и собственно горожане, и крестьяне Лампсака проживали в пределах одного города. Город не мог состоять всего из 60 дворов. Крестьяне Лампсака жили не в пригородных деревнях — по месту жительства они также являлись горожанами, но отличались от них по виду принадлежащей им собственности и роду своих (крестьянских по преимуществу) занятий.

Серьезную трудность представляют слова *Lusillo facto et chersocho-gio*. Успенский допускал двойное их толкование: либо как «колокольцы» (*Lusillo*) и «пастбища» (*chersocho-gio*), т. е. плата со скота (колокольцы на шее у скотины), либо как сбор с православных за их «колокола», т. е. церкви (*chersocho-gio* в таком случае он считал совершенно непонятным)⁵⁷. Мы полагаем, что главная трудность в понимании первого слова, в качестве определений к которому мы расцениваем два следующих. *Chersocho-gio* находит аналогию в *χερσοχηπέλιον* (не культивируемый, заброшенный виноградник⁵⁸). Т. е. речь идет о «заброшенном месте» или о чем-то нетронутом, не приведенном в порядок человеческим трудом. Переводить *Lusillo* как «колокол» или «колокольчик» мы считаем невозможным: у нас нет данных о колоколах в Византии к XIII в. Это слово могло бы быть латинской или итальянской транскрипцией греческого *σκολίς* — *κλήματις* («лоза») или *σκόλον* («кожа», «шкура», а также — «шпангоут»). Так как в данной графе идет речь о хозяйственных заведениях (типа мельниц и солеварен), то вряд ли имеется в виду виноградник; скорее предполагаются кожаные мастерские (действующие и заброшенные) или верфи (где есть готовые суда и еще не оснащенные).

Вся следующая графа имеет отношение к рыбной ловле. Мы согласны с Успенским: следует читать вместо *oleo* — *Olco* — название местечка на лампсакском побережье⁵⁹, упомянутом Акрополитом⁶⁰. «Виварий Ольки» (*Ὀλκή*) — видимо, заводь, богатая рыбой. *Grippei* или *gripparioi* — барки, одномачтовые, транспортные и рыбацкие^{60a}, *βόλος* — невод (как, впрочем, и *γρίπος*). Отсюда наше понимание — «барки с неводами».

⁵⁴ На это указывает и Успенский (указ. соч., стр. 302).

⁵⁵ *Tafel u. Thomas*, S. 208.

⁵⁶ *Ducas*. *Istoria turco-bizantina*, ed. V. Grecu. Bucharest, 1958, p. 123.15—21, 149.14—15.

⁵⁷ *Ф. И. Успенский*. Указ. соч., стр. 328.

⁵⁸ *E. Schilbach*. *Byzantinische Metrologie*. München, 1970, S. 85: *τὸ brachliegendes Weinland*.

⁵⁹ *Ф. И. Успенский*. Указ. соч., стр. 329.

⁶⁰ *Georgii Acropolita* opera, ed. A. Heinsenber, I. Lipsiae, 1903, p. 36, 12, cf. 37.4.

^{60a} См. *V. Laurent*. *Deux chrysobulles inédites des empereurs de Trebizonde Alexis IV, Jean IV et David II*. — «*Ἀρχαῖον Πόντου*», 18, 1953, σελ. 261.121; *С. П. Карпов*. Трапезундская империя и государства Западной Европы. М., 1974 (рукопись кандидат. дисс.), стр. XXXIV (Приложение № 1, прим. 147).

Lu uathi Успенский понимал также как название местности⁶¹. Но βάθος (транскрипция может быть неточной) — не только глубокие места (где можно было ловить рыбу), а также «уклюжина», «место причала лодки», «ряд весел».

Следующая графа описи вызывает особый интерес. Плинфа (или плефр) равна трем модиям⁶². Следовательно, речь идет о 360 модиях. Текст становится понятным только при допущении, что эти 120 плефров разбиты на 5 равноценных участков по 24 плефра (72 модия) в каждом. Эта земля принадлежит лампсакской городской общине. Три венецианских мужа берут ее у города в длительную аренду (анасарси)⁶³, уплачивая по 8 перперов за участок (всего 40 перперов). Однако они не сами эксплуатируют эту землю, а сдают ее в аренду, взимая с арендаторов по 14 перперов за участок (всего 70 перперов). Их чистая прибыль, таким образом, составляет 30 перперов, которые и имеются в виду⁶⁴. Кроме того, венецианцы держат еще один участок в 24 плинфы, получая от этого также чистый доход в 6 перперов (14—8).

Любопытно, что точно такую же цифру дохода (30 перперов за 360 модиев) мы получим и в соответствии с действовавшим в империи правилом, по которому за аренду 12 модиев земли взимали один золотой⁶⁵. Сомнение, однако, вызывает один факт. Аренда виноградников была обычно вдвое дороже аренды пахотной земли. Здесь же арендная плата представляется весьма низкой. Бралась она ежегодно. Следовательно, если бы земля сдавалась под виноградник (с условием его разбивки), то аренда неминуемо возросла бы впоследствии. В документе же на это — ни намек. Скорее всего, это земля, некогда бывшая под виноградниками, затем исчезнувшими, но удержавшая название «виноградников».

Примем толкование Успенским слова «форфакт» как плату за серьезные преступления⁶⁶. Какие «права» (iura) имеются в виду, сказать, к сожалению, невозможно. «Суды» (iustitiae), вероятно, соответствуют византийскому аерикону (судебный сбор).

Мы не согласны с пониманием Успенским термина agnelli (он исправляет на anguelli — «ягнята», «барашки» — в соответствии с латинским термином⁶⁷). Налог в 30 перперов за 154 овцы был бы несообразно высок (энномий брался в размере одного золотого со 100 овец): вряд ли все эти овцы вместе стоили 30 перперов даже в начале XIII в.⁶⁸ Мы предпочитаем усматривать здесь транскрипцию греческого ἀγέλας — «крупный скот», ибо сумма налога близка к норме энномия с крупных домашних животных (8,33% от их стоимости). Стадо в 154 головы, с которого взимали 30 перперов, должно было стоить около 360 золотых⁶⁹. Учитывая, что в нем были и молодые животные (стоившие меньше), естественно считать это стадо не овечьей отарой, а гуртом крупного скота. Подозрительно упоминание о «курах» некоего места Карласар. Любопытно, что документ от 1.VIII 1247 г., опубликованный Тафелем и Томасом, среди многих прочих подписал также некий Micha de Carlasar⁷⁰. Не искажено ли здесь в galine слово galea — «судно» (построенное в Карласаре)?

Далеко не все ясно и в графе о пристани⁷¹. Термин iuribus мы толкуем как перевод греческого δίκη (угодья). Т. е. речь может идти о пристани

⁶¹ Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 330.

⁶² E. Schilbach. Op. cit., S. 30—31.

⁶³ Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 325—327: от греч. ἀνακρίσις.

⁶⁴ Успенский не говорит о том, как можно получить эту цифру.

⁶⁵ См. ММ, т. IV, р. 85, ММ, т. VI, р. 6 (согласно последнему акту, арендатор платил один золотой за участок в 10 модиев).

⁶⁶ Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 332.

⁶⁷ Там же, стр. 333.

⁶⁸ Согласно документу XII в., крупная овца стоила $\frac{1}{8}$ золотого, мелкая — $\frac{1}{10}$ (E. Schilbach. Die byzantinische metrologische Quellen. München, 1970, S. 59).

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ Tafel u. Thomas, S. 443.

⁷¹ Не читать ли fago (от греч. φάρος — «маяк») вместо foro?

с рынком, с причалами, складами и прочим («угодьями»), а также с ее пустошами, т. е. необорудованными местами.

Графу о «зевгаратной» и «воидатной» земле мы считаем самой трудной, несмотря на кажущуюся простоту текста. Успенский допускал здесь двойное понимание. Согласно первому, эта земля — «излишек» над теоретическими наделами зевгаратов и воидатов, которую они сдают в аренду безземельным (актимонам), а господа берут с зевгаратов и воидатов налог от дохода с морты (арендной платы). Согласно второму пониманию Успенского, новые господа отмежевали некультивируемые общинные земли и сами сдают их актимонам за морту (десятину), считая при этом более состоятельных арендаторов зевгаратами, менее состоятельных — воидатами ⁷².

Однако при таком уяснении текста возникает ряд трудно разрешимых вопросов. В документе дважды подчеркнуто, что земля стала «зевгаратной» и «воидатной» недавно («теперь»). Если бы новые господа в порядке аллиленгия распределили пустующие земли между зевгаратами и воидатами («соответственно своим трудам», т. е. их возможностям) и обязали платить за них налоги, то этот дополнительный налог с зевгаратов (261 перпер) превосходил бы налог с их собственных стасей (208 перперов). Если же сами зевгараты и воидаты сдавали бы эти земли в аренду, то они должны были бы взимать с арендаторов огромную сумму в 3—3,5 тысячи номисм (налог с денежного дохода, который взимали бы при этом с хозяев венецианцы, исчислялся по норме 8,33% от суммы дохода ⁷³). Наконец, если бы сами господа «выделили» эту землю себе и организовали на ней новые зевгаратные и воидатные стаси, посадив на них зависимых безземельных крестьян, то эти новые домохозяйства были бы также приплюсованы к общему числу жителей Лампсака.

Мы предложили бы несколько иную гипотезу. В предшествовавшее написанию документа время «разыскания и устройства» земли Лампсака была сделана новая опись имущества всего городского налогового округа. Пустующие земли были действительно (в качестве домена) переданы трем венецианцам («выделены себе») в соответствии с их «трудами» (т. е. заботами) в таком количестве и такой доле ⁷⁴, которая способна обеспечить доход в 261 перпер, если оценить часть земли с применением понятия «зевгаратное хозяйство», и 52 перпера, если оценить другую, меньшую часть земли с применением понятия «воидатное хозяйство».

Оценка подобного рода была необходима — нужно было знать доходность пустующих земель, если подвергнуть их эксплуатации. Доходность определена «в среднем», так как практически земля не распадалась на отдельные зевгаратные и воидатные стаси, которые можно было бы оценить индивидуально.

Эксплуатировали эти земли венецианцы, по нашему предположению, с помощью наемных работников — мистиев (об этом — ниже).

Предпоследняя графа описи осталась совершенно не понятой Успенским: он считал, что в ней идет речь о сборе пошлин за торговые связи Лампсака с городами Фракии и, возможно, иных районов Балканского полуострова ⁷⁵. Уже А. П. Каждан в 1952 г. отметил, что *La dimodeo*, исправляемое Успенским на *Dimotico* (город во Фракии), означает изредка встречающуюся в византийских документах податъ *dimodaton* (существо ее остается неясным) ⁷⁶. Мы считаем, что вся эта графа касается налогов с плодовых деревьев.

Чрезвычайно интересна последняя графа описи. При определении размеров отработочных повинностей населения чиновники константино-

⁷² Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 306—321.

⁷³ E. Schilbach. Die byzantinische metrologische. Quellen, S. 59.

⁷⁴ Слово *morte* отнюдь не обязательно понимать как «десятину».

⁷⁵ Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 334—335.

⁷⁶ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 121.

польского байло узнали от жителей, что при старых господах зевгараты и воидаты уплачивали (или выполняли) всего по 7 ангариев с каждого в течение года и что им были неведомы так называемые «ангарии кастелла» (видимо, западные рыцари имели здесь в виду отработки в замке господина).

Если в большинстве других граф описи начисление налогов произведено в целом в соответствии с византийскими нормами, то в данной графе эти нормы резко нарушены: отработки увеличены почти в семь раз. Чиновник заявил, что воидаты и зевгараты имеют возможность платить за 48 ангариев каждый, а активомоны — за 24 ангарии. При этом 48 ангариев зевгарата (или воидата) оценены в 4 перпера, а 24 ангарии активомона — в 1 перпер, т. е. вдвое дешевле. (Это соотношение можно, по нашему мнению, понять, допустив, что и зевгарат и воидат — до коммутации отработок — трудились с одним животным, а активомон являлся на работу с голыми руками или несложными орудиями.)

Трудно сказать, в какой мере эти «идеальные» расчеты соответствовали реальной действительности. Но значение приведенных цифр тем не менее трудно переоценить — они говорят об исходных позициях казначейства при определении ценности крестьянского труда. Рабочий день воидата оценен в 24 фолла (2 милиарисия), рабочий день активомона — в 12 фоллов. А 310 перперов, в которые оценены все ангарии крестьян, признаны равноценными либо 3720 дням дарового труда воидатов, либо 7440 дням труда активомонов.

Нам представляется неслучайным почти полное совпадение двух цифр описи: стоимости ангарий (310 перперов) и доходов от эксплуатации «зевгаратной» и «воидатной» земли (313 перперов). Мы предполагаем, что взимаемая в повышенном размере с крестьян плата в счет ангариев как раз и должна была покрыть расходы господ на оплату наемного труда мистиев, который — при использовании ими господских орудий и тягловых животных — приносил вдвое больший доход (сравнительно с наемной суммой).

Если наша гипотеза правдоподобна, то для того, чтобы получать с земли домена доход в 313 перперов, господа должны были в течение года пользоваться трудом 25—26 мистиев (мы считаем при этом в году 290—300 рабочих дней).

Помимо 4 перперов в качестве ангариев, каждый воидат уплачивал около 5 перперов налога (251 перпер с 52 воидатов). Но если 4 перпера признаны равноценными его 48 рабочим дням, то 9 перперов = 108 дням. Норма эксплуатации крестьян в Лампсаке при венецианцах достигала, таким образом, 36% всего их рабочего времени.

Успенский делил графы описи на «сельские» и «городские», обращая внимание на решительное преобладание «сельских» платежей⁷⁷. Мы склонны выделить еще третью группу — общих для крестьян и горожан платежей, которые, видимо, распределялись между теми и другими — в среднем, в соответствии с количеством дворов того и другого рода. Это — судейские поборы, димоден, сборы с кур и с плодовых деревьев (всего 86 перперов).

Всего в Лампсаке было 173 домохозяйства: 60 городских и 113 крестьянских, т. е. из этой суммы в 86 перперов на горожан приходилось 30, а на крестьян — 56 перперов.

Собственно деревенские (крестьянские) прочие графы описи дают 1219 перперов 6 каратов; собственно городские — 366 перперов, а с учетом «общих»: первые — 1271 перпер 6 каратов, вторые — примерно 400 перперов.

«Городские платежи», таким образом, составляют только около 24% всех платежей, т. е. менее их четверти, тогда как дворов собственно горожан было в Лампсаке 34%.

⁷⁷ Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 324.

Если судить по начальным графам описи, то горожане, уплачивающие всего 51 перпер и 6 каратов, представляются беднейшей частью населения Лампсака: они платят по 0,852 перпера с двора, тогда как актимоны (неимущие, но трудоспособные) платят по 2,7 перпера, а апоры (вдовы, сироты, убогие) — по 1 перперу.

Однако 51 перпер и 6 каратов взимались, несомненно, лишь с домашнего хозяйства горожан (огород, сад, животные, куры и т. п.). Опись упоминает мельницы, солеварни, суда, неводы и т. п. объекты обложения, собственниками которых следует признать тех же горожан. Это подтверждается и тем, что на 60 дворов горожан приходится сумма в 400 перперов от обложения городских статей дохода, т. е. в среднем по 6,6 перпера с горожанина.

Порядок сбора крестьянских налогов, видимо, мало отличался от того, каким он был до завоевания крестоносцев. Хотя опись суммарна, мы знаем, что налог с представителей каждой из четырех сельских категорий жителей взимался индивидуально. Так же индивидуально взимались налоги с домашнего хозяйства горожан и с их мельниц, судов, лодок, солеварен. Однако ряд платежей — с рыбных угодий, с пристани, с рынка — взимался, видимо, с каких-то организаций горожан (рыбаков, торговцев) — раскладку этих платежей они могли производить сами, без участия чиновника.

Рыбная ловля и выпарка соли — единственные виды промыслов горожан Лампсака, которые позволяет констатировать опись. К податям, связанным с ловлей рыбы, можно отнести из собственно городских статей обложения до 230 перперов. Принимая 6,6 перпера за среднюю величину налога с горожанина, следует допустить, что этим промыслом занимались до 35 домохозяев города (более 20% самостоятельного мужского населения). Даже если рыбаки имели лишь мелкие суда и лодки, городской рынок вряд ли мог поглотить всю добывавшуюся ими рыбу.

То же самое, по нашему мнению, следует сказать и о продукции 16 солеварен. При суточном потреблении человеком в южных широтах соли в 25 г. дневной ее расход в городе не превышал, по всей вероятности, 25—30 кг. И соль, и соленая рыба были, несомненно, важной статьей лампсакского вывоза.

Конечно, строительство судов и лодок, плетение сетей и неводов, изготовление иного мореходного и рыбацкого инвентаря предполагает наличие в Лампсаке деревообрабатывающего, прядильного, кузнечного ремесел. Но об этом остается только гадать⁷⁸.

Наше предположение о внешнеторговых связях Лампсака можно подкрепить еще одним соображением. Крестьяне Лампсака должны были ежегодно выручать на городском рынке до 1270 перперов только для уплаты налогов. Горожанам для этого было достаточно 400 перперов, однако если денежные расходы крестьян были минимальными, то расходы горожан на продукты сельского хозяйства должны были в несколько раз превосходить сумму платимых ими налогов. Мало вероятно, чтобы все эти деньги горожане получали у местных крестьян в обмен на свои товары. Следует учитывать и то, что 1670 перперов у жителей Лампсака изымалось каждый год, и лишь незначительная часть этой суммы возвращалась господами на местный рынок (1000 перперов они, во всяком случае, отправляли ежегодно в Константинополь).

Таким образом, какие-то значительные суммы должны были в течение года притекать на лампсакский рынок извне.

Мы считаем, что в описи названы далеко не все доходы горожан, как и не все их платежи в казну. Лампсак издревле был наиболее удобным

⁷⁸ По свидетельствам восточных авторов XIII в., из Лампсака вывозили также гончарные изделия (*Sp. Vryonis, Jr. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Fifteen Century. London, 1971, p. 13, n. 60.*

местом переправы через Геллеспонт (в Галлиполи и обратно). Перевозом промышляли жители обоих этих городов ⁷⁹. Город лежал на оживленной торговой магистрали. По словам Феофана, судов было множество во всех городах Геллеспонта ⁸⁰. Сп. Врионис считает Лампсак XI—XIII вв. процветающим городом и приписывает его процветание именно торговым связям ⁸¹.

Значительные доходы горожан от торговли и пошлин с них не упомянуты в описи, на наш взгляд, только потому, что право казны на сбор пошлин с внешнеторговых сделок не было передано трем венецианцам. Так и в Константинополе пошлины были в ведении особой администрации, не подвластной столичному эпарху ⁸². Так, видимо, обстояло дело и при византийских властях на Геллеспонте, где издревле находились важнейшие таможи ⁸³.

Перейдем теперь ко второму документу. Три венецианца владели, видимо, Лампсаком какое-то время до 1218 г., может быть — с момента взятия города венецианцами весной 1204 г. Затем по воле дожа была произведена новая опись имуществ в Лампсакe, определена налоговая сумма, которую бенефициарии получили право собирать с жителей. Порядок службы этих лиц (скорее всего — военной, ибо Лампсак лежал близ границ с Никейской империей) остался прежним, как, вероятно, и размеры доходов. Однако теперь более детально были обозначены сроки выплаты ими налоговых сумм в казну и размеры этих сумм, равных в совокупности 1000 перперов.

Степень прав трех мужей на Лампсак не обозначена. Дважды употребленный термин «собственность» (*propritis, proprium*) указывает на отношение к доходным объектам не венецианцев, а жителей Лампсака. Права каждого из трех владельцев города, видимо, равны, как и их обязанности. Их чистый доход, с которого они несли службу, определен в 470 перперов. Но из первого документа мы знаем более точную цифру — 471 перпер 6 каратов. Т. е., на каждого приходилось по 157 перперов 2 карата.

Успенский называл трех венецианцев «прониарами» ⁸⁴. Но данных для уподобления характера их держания византийской пронии недостаточно, хотя несомненно — перед нами условное владение, заключающееся в передаче права сбора государственных налогов с точно указанной территории и права (в качестве награды за службу) отчислять в свою пользу определенный процент (здесь 40,15%) собранных налоговых сумм.

Три владельца Лампсака вряд ли были рядовыми рыцарями. Доход одного можно приравнять к налоговой квоте с 16 зевгаратов, или, если учесть указанное в первом документе соотношение бедных средних и богатых дворов, — с деревни из 33 дворов (в которой 6 зевгаратных хозяйств, 15 воидатных, 5 актимонских и 7 апорских). Рядовой лен рыцаря оценивался в Романии в 300 анжуйских ливров ⁸⁵. К сожалению, мы не знаем соотношения ливра с перпером в это время. Важно, впрочем, что двое из бенефициариев носят фамилию Квиринов — весьма знатного рода в это время, подписи представителей которого весьма часты в официальных актах.

⁷⁹ *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio*, ed. H. J. Jenkins, Gy. Moravcsik. Budapestini, 1949, p. 92, 116—119; *Georg. Acrop.*, I, p. 46.5—7, 50.12—13, 124.1—3, 125.14—19; *Ducas*, p. 39.19—20, 65. 18—19, 147.20, 213.3, 24—25, 223. 28—29 etc.

⁸⁰ *Theophanes. Chronographia*. Lipsiae, 1883, p. 385.

⁸¹ *Sp. Vryonis, Jr. Op. cit.*, p. 12—13, n. 60. Среди вывозившихся из Лампсака товаров он называет зерно и шелк.

⁸² *Jus*, III, p. 305—306.

⁸³ *H. Antoniadis-Bibicou. Recherches sur la douane à Byzance*. Paris, 1963, p. 212.

⁸⁴ *Ф. И. Успенский. Указ. соч.*, стр. 292.

⁸⁵ *Н. П. Соколов. Образование Венецианской колониальной империи*. Саратов, 1963, стр. 398.

В заключение отметим, что в целом опись Лампсака составлена в соответствии с византийской налоговой системой — в ней есть две прямые ссылки на византийские «практики» (описи имущества налогоплательщиков), а именно, что размеры налогов оставлены такими же, какими они были определены в практиках. Завоеватели не отказались ни от одной статьи дохода имперской казны, но они резко повысили поборы в счет отработок: для зевгаратов в силу этого общий уровень эксплуатации повысился на 40%, а для воидатов (наиболее многочисленной категории крестьян) — на 80%. Неудивительно поэтому, что жители Лампсака принимали активное участие в военных действиях Иоанна Ватаца против латинян ⁸⁶.

Сохранили, видимо, венецианцы и те основные сроки сбора налогов, которые существовали в Византии. Согласно «Пире», новый налоговый год начинался с 1 октября; сентябрь (завершение сбора урожая плодов всех видов) был последним месяцем, в котором налогоплательщик должен был погасить свои обязательства перед казной за год, истекший 31 августа ⁸⁷. Именно поэтому, на наш взгляд, в летний период — от пасхи до сентября (включая его) — три венецианских мужа должны были в казну наиболее крупную сумму (400 перперов). Вторым сроком уплаты налога в Византии был март ⁸⁸. И венецианцы должны были примерно в тот же срок (к пасхе) внести в казначейство байло еще 300 перперов. О третьем сроке каких-либо податных взносов в Византии (к рождеству) источники не упоминают; вполне вероятно, это было новшество, введенное западными завоевателями. Однако не исключено, что этот срок имел определенное значение в отношениях байло с владельцами Лампсака и не играл никакой роли в их отношениях с самими налогоплательщиками.

Выше мы упоминали о том, что 60 дворов «горожан» в собственном смысле слова составляют лишь 34% дворов Лампсака. Прочие 113 дворов (66%) можно с полным правом охарактеризовать как крестьянские. Крестьянские дворы, следовательно, почти вдвое преобладали над домохозяйствами, для обитателей которых земледелие не было главным источником существования. Мало того, и горожане и крестьяне, жившие в пределах одного населенного пункта, составляли не только единый налоговый округ, но и общину, владевшую неподделанными земельными угодьями (эти угодья арендовали у общины новые владельцы Лампсака — венецианцы, часть этих угодьев на берегу считалась также доходной, хотя и не была оборудована под причалы) ⁸⁹.

И тем не менее Лампсак — несомненно город. Хотя мы в сущности ничего не узнали о масштабах ремесленного производства в Лампсаке, определить его как город позволяет уже одно то, что он играл существенную роль в местном торговом обмене. На рынке Лампсака реализовалась товарная сельскохозяйственная продукция не только его жителей-крестьян, но — бесспорно — и земледельцев окружающих город деревень. Треть населения Лампсака должна была покупать на городском рынке основную массу продуктов питания. Безусловно, Лампсак, как и прочие средние и мелкие города империи, испытывал периодические пароксизмы — «припадки» повышенной торговой деятельности весной, когда начинался сбор налогов, и в августе-сентябре, когда взималась их основная масса. Весенне-летняя жажда денег у всех домохозяев города и соседних сел связана была с наиболее оживленным периодом внешнеторговых сделок, обусловленным наиболее благоприятными погодными условиями для мореходства. Однако более важным мы считаем то обстоятельство, что лампсакский рынок не мог не функционировать постоянно

⁸⁶ Georg. Acrop., p. 47. 20—21.

⁸⁷ Jus, I, cap. XXIV, 14, p. 94; cap. XIII, 3, p. 201.

⁸⁸ Jus, III, p. 99.

⁸⁹ О продаже городом своей общественной земли как о заурядном явлении упоминается и в «Пире» («Если ты купил у города поле. . .» — Jus, I, cap. XXII, 3, p. .

в течение года. Без этого значительная часть жителей города не могла существовать.

Мы считаем Лампсак типичным приморским городом Византии конца XII—начала XIII в., структура которого, однако, сложилась несколькими столетиями раньше и вряд ли претерпела существенные перемены к 1218 г. Это наиболее распространенный в империи тип приморских городов, которые В. Грохова определяет как «центры земледельческой округи» с постоянно функционирующим рынком, где совершается организованный обмен городской и сельской продукции и где в какой-то мере ведется торг привозными товарами и продаются на вывоз местные товары. В. Грохова называет такие населенные пункты городами «в точном значении слова» (тип 3—а) ⁹⁰.

При определении населенного пункта в качестве города не последнее значение, видимо, имеет и вопрос о числе его жителей. К сожалению, мы не знаем историю Лампсака в X—XII вв., чтобы уверенно говорить о том, состояние упадка или, напротив, подъема он переживал в момент составления исследуемых документов. Значительные пространства пустующих земель (и как будто заброшенные виноградники) свидетельствуют, кажется, о том, что крестоносное завоевание сопровождалось сокращением населения Лампсака. Однако в тех же документах говорится об активном процессе разработки этих земель арендаторами, что как будто предполагает приток в город и его окрестности новых поселенцев. Сп. Врионис пишет о том, что серьезный кризис, вызванный турецким наступлением, поразил города Геллеспонта только в 80-х годах XIII в. ⁹¹

Однако для того, чтобы отчетливее представить размеры Лампсака среди других городов империи, нам кажется уместным привести забытую анонимную заметку, сохранившуюся в рукописи Cod. Utbin 151 (Ватикан, XV в.). В заметке сказано, что окружность стен Константинополя составляет 18 тысяч «мужских шагов», окружность стен Фессалоники — 6 тысяч, Веррии — 2150, а Андрианополя — всего 1600 шагов. Посему, сказано в заметке далее, «сведующие в геометрии» заключили бы, что Константинополь больше Фессалоники в 9 раз, Фессалоника больше Веррии примерно в 8 раз, а Веррия больше Андрианополя — приблизительно вдвое ⁹².

Автор заметки высчитывал площади названных городов в соответствии с иногда применявшимся в Византии методом деления периметра на 4 (нахождение стороны воображаемого квадрата). По-своему подсчеты он сделал совершенно точно, пренебрегая, однако, тем, что Константинополь, например, представляет собою в плане треугольник.

Учитывая тот факт, что длина константинопольских стен равна примерно 16 километрам ⁹³, следует признать «мужской шаг» заметки не римским двойным шагом ⁹⁴, а особым, «измерительным», равным приблизительно 90 см. Следовательно, периметр Андрианополя не превышал 1424 м, а одна из его четырех сторон — 356 м. Площадь же города — по названному выше методу — можно определить в 126 740 м², т. е. она составляла чуть более 1/8 км².

Сравним для начала Андрианопись с Херсоном, хорошо исследованным советскими археологами византийским городом, переставшим существовать как населенный пункт в XIV в. А. Л. Якобсон определяет его площадь в 339 тыс. м², число же его жителей в X в. — в 6—7 тыс. человек, а в XII—XIII вв. — в 5—6 тыс. ⁹⁵ Следовательно, на-

⁹⁰ V. Hrochová. Op. cit., p. 96.

⁹¹ Sp. Vryonis. Jr. Op. cit., p. 254.

⁹² «Νέος Ἑλληνισμὸς», I, 1904, σελ. 243.

⁹³ Джелаль Эссад. Константинополь. М., 1919, стр. 88.

⁹⁴ См. E. Schilbach. Byzantinische Metrologie, S. 22—23.

⁹⁵ А. Л. Якобсон. О численности населения средневекового Херсонеса. — ВВ, XIX, 1961, стр. 154—161.

селение Андрианополя можно было определить в 1870—2660 чел. (в 2,67 раза меньше, чем в Херсоне).

Однако мы сделали бы одно замечание к этим цифрам (разумеется, весьма относительным). А. Л. Якобсон исходит из того, что в одном жилом помещении проживало 7—8 человек. Нам эта цифра представляется завышенной, ее не оправдывают и те статистические данные, которые ученый приводит в своей статье. Хиландарские практики, дающие массовый материал о численности византийских семей, позволяют определить среднюю цифру в 4—5 человек ⁹⁶. Конечно, в стиснутом стенами городе возможности расселения членов семьи при подрастании ее молодых представителей были гораздо меньшими, чем в деревне. И тем не менее мы сочли бы более подходящей цифру не 7—8 человек на одно городское помещение, а 5—6.

Итак, в соответствии с этой поправкой число жителей Херсона в XII—XIII вв. мы определили бы в 3600—4300 человек, а Андрианополя — в 1350—1600. Иначе говоря, в Андрианополе было, видимо, не более 260—320 домов. Таким образом, этот значительный византийский город превосходил Лампсак едва лишь вдвое. В 173 домах Лампсака обитало, скорее всего, приблизительно 850—1000 жителей. И приведенное сравнение дает, как нам кажется, право считать Лампсак не маленьким городком, а городом средней величины.

Можно смело предполагать, что и по численности своего населения, и по внутренней структуре многие другие приморские города в бассейне Эгейского моря в XII—XIII вв. мало отличались от Лампсака.

⁹⁶ См. *Р. В. Хвостова*. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии. XIV—XV вв. М., 1968, стр. 264—299.